

Мариса
Мартынова

Восточно-Казахстанский музей искусств
г. Усть-Каменогорск

МАРАТ ДЖУНУСОВ. КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ БЛОКНОТ

ВЫСТАВКА

16 мая 2017 года Восточно-Казахстанский музей искусств открыл ретроспективную юбилейную выставку графических и живописных работ Марата Джунусова. Впервые монолитно и практически полностью была представлена для зрителей самая загадочная часть творческого наследия этого художника – серия картин своеобразной солнечной тематики: «Сын Солнца», «Жители Солнца», «Небесная река», целая вереница фотонообразных существ.

Охристо-золотистые цветные вспышки, рельефные масляные нити, многомерное сияющее пространство, в котором нет границ для фона и форм, написаны Джунусовым так, как будто под его рукой высохла не краска, но неуловимые солнечные лучи. Мы назвали выставку «Сын Солнца», и, судя по реакции людей, лично знавших художника, название было удачным, потому что оно соответствовало общительному, поистине солнечному характеру художника.

В 2017 году Марат Джунусову исполнилось бы семьдесят лет. К сожалению, жизнь его трагически оборвалась на рубеже тысячелетий, в 1999 году. Сейчас наследие его кажется нам талантливой и очень непростой иллюстрацией соцреалистического пограничья. В 1980-х Джунусов уже перешагнул рубеж, за которым открывается истинная свобода творчества. При этом он никогда демонстративно не отрекался от современной ему академической школы. Его солнечную серию нелегко классифицировать в рамках уже известных направлений. Абстрактная беспредметность и символизм были восприняты этим художником в качестве опыта, но не более. В картинах его множество образов, решенных реалистически убедительно, однако этой реальности не принадлежащих, – что-то вроде «сакрального реализма», проявленного у Иеронима Босха, Франсиско Гойи, Михаила Врубеля и ещё ранее – в иконографии.

О Марате Джунусове хочется написать в научно-лирическом стиле. Научном, потому что такая личность требует особой объективности. Нельзя «навыдумывать» лишнего. С другой стороны, основная работа искусствоведа как раз и состоит в этом выдумывании-сопереживании. Зритель восхищается, искусствовед классифицирует, но каждый стремится приблизиться к авторской концепции, а для этого необходимо знать не только биографические факты, но понимать логику поступков художника и своеобразную канву его судьбы. Без лирики также не обой-

тись, а почему – думаю, объяснять не надо. И весь нижеследующий текст – скорее эссе, лирически-личностное восприятие человека, ставшего дорогим сердцу.

Уже с детских лет был он отстранен от реально протекающей обыденности какой-то невидимой стеной, за которой происходила такая же невидимая работа – пленэр или охота. «Из-за стены» художник вытаскивал непонятные для окружающих впечатления и образы, которые потом с помощью красок и линий прищипливал на холст, как трофеи. Он очень любил поговорить об искусстве вообще, но о том, как происходила «охота» на жителей и сыновей Солнца, как в его сознание проникали ангелы, фавны, сказочные птицы и другая совсем уж непонятная живность, он не рассказывал никому и никогда.

Не случайно уже в пятнадцать лет кумиром Марата был Марк Шагал, а вся академическая советская школа, которую он прошел от изостудии Дома пионеров до института живописи, скульптуры и архитектуры имени И. Е. Репина, только укрепили его врожденный нонконформизм. Нет, он не стал концептуалистом, как Илья Кабаков. Очень глубоко и по-своему переживая крах социалистической системы, Джунусов был неспособен иронизировать и ёрничать по поводу прошлого, как представители раскормленного на Западе соцарта. В конце девяностых ему было тяжело, как всем, но обманутым он себя не чувствовал, потому что и при советском строе жил глубоко замкнутой внутренней жизнью. Свои переживания Джунусов воплотил на холстах и бумаге в такой разнообразии форм и стилей, что ошарашенный зритель на выставке поневоле сомневался – персональная ли она.

Марат был благодарен своим знаменитым учителям советской школы. В родном Усть-Каменогорске его наставником был московский художник Ефим Наумович Годовский, который, будучи инвалидом, каждое лето возил своих пионеров-художников на этюды. Студию вместе с Маратом посещали многие будущие художники-профессионалы: нынешние россияне Виктор Псарев, Ольга Кузнецова, Ольга Раковская, Сергей Строков, казахстанцы – Габдулмади Меркасимов, Анатолий Щур, Гумар Макаров, Леонид Зайцев, Татьяна Орлова. В Алма-Атинском художественном училище имени Н. В. Гоголя Джунусову посчастливилось учиться у Айши Галимбаевой и Тулегена Досмагамбетова. В Ленинграде он работал в мастерской известного советского художника Александра Зайцева, но и там в окружении академиков соцреализма не скрывал своих намерений: «Вот закончу учёбу и буду писать, как Шагал!»

В своей автобиографии Джунусов пишет, что изостудию он регулярно посещал уже с 1958 года. Мне довелось видеть личный дневник Е. Н. Годовского, в котором было зафиксировано поразившее меня наблюдение учителя за своим учеником, которому было тогда лет десять-двенадцать. Эпизод, казалось бы, незначительный. Но Годовский пишет о нём в дневнике и выделяет Марата среди всех остальных, наверное, потому, что знает такие механизмы творческой кухни, о которых не пишут в учебниках. Однажды пришлось искать Марата, посланного из студии за водой. Ефим Наумович нашел его в тёмном коридоре, но не с ведерком воды, а на берегу океана. В том пространстве уже начиналась буря, а на горизонте плавали бумажные корабли. Многие дети умеют играть самозабвенно и тут же забывают о своих фантазиях. Этот мальчик не только помнил подробности «застенного» сюжета, но уже тогда в деталях мог перенести свои видения на бумагу. Выглядели эти картины не менее убедительно, чем постановочные натюрморты. Это Годовский понял и оценил сразу. К сожалению, сейчас дневник

Ефима Наумовича находится у людей, которые владеют им незаконно, поэтому маловероятно, что он будет обнаружен.

Известный арт-критик Ю. В. Сорокина справедливо замечает, что нельзя воспринимать художника только в качестве создателя музейных ценностей. Читая статью исследователя «Художник как Архив», понимаешь, что картины, рисунки, песни и книги – это видимая часть айсберга творческого процесса «живого, личностного импульса индивидуума, который неизбежно уходит из общечеловеческой ноосферы», но при этом еще долгое время может оставаться «властителем (или выразителем) дум того или иного поколения».

В этом смысле – одна и та же парка ткала полотно судьбы и Марату Джунусову, и Виктору Цою, солнечные песни которого звучали у нас на вернисаже. Их объединяла любовь к искусству и городу на Неве. Для обоих музыка и живопись были нераздельно связаны. У Джунусова масса эскизов, в которых он пишет-рисует звук. Виктор Цой очень хотел стать художником и поступил в Ленинградское художественное училище имени Серова. Невероятным образом энергетика и обаяние этих людей чувствуются до сих пор. Уже при жизни в глазах современников связывал их какой-то ветер иномирья, шелестевший в творчестве каждого.

Как инициатор и куратор проекта «Звёздные кочевники» Юлия Сорокина прилагает немалые усилия для создания дигитального архива, в котором творческое наследие казахстанских художников существовало бы во всей полноте этого понятия. Такой архив особенно необходим тем авторам, которые, увы, уже лишены (по выражению Сорокиной) «живого импульса делания». «Бытовые мелочи, – пишет она, – иногда могут рассказать о личности больше, чем солидные научные труды», потому что ты «попадаешь в физическое пространство, в котором работал художник».

Когда читаешь эту статью, кажется, что занимаешься не проблемами музейного архива, но, как в юности, слушаешь вдохновенного лектора-физика, и перед тобой, простирается бесконечная римановско-эйнштейновская Вселенная, в которой любой объект, как электрон, обладает двойственной природой, проявляясь то корпускулярно, то волнообразно. Мне это нравится, ведь хочется думать, что импульс Марата Джунусова не увязнет в региональных песках, но останется звёздным кочевником.

При подготовке выставки мы собрали практически всё, что возможно, для создания «физического пространства, в котором работал художник». Были оцифрованы старые видеозаписи интервью с художником, на вернисаже состоялся показ небольшого фильма, где о Джунусове говорят люди, знавшие его лично. Мы сделали постеры фотографий Марата и показали их в залах в составе экспозиции. Формировали выставку из коллекций государственных музеев Восточного Казахстана и частной коллекции семьи художника. Некоторые работы привезли из Алматы и Семей. Часть графики была оформлена и выставлена впервые. Однако фонды музеев всегда богаче их экспозиций. У нас есть личные документы художника – его профсоюзный и читательский билеты, членские билеты творческих союзов, в том числе и Союза художников Казахстана, фотографии работ, буклеты выставок, статьи в СМИ, рукописная автобиография, датированная ноябрем 1999 года. Надо осознавать, что с каждым годом ценность таких экспонатов возрастает, потому что время Джунусова и его поколения неизбежно уходит, как электромагнитная волна.

Перечисленные выше предметы типичны для архива научно-вспомогательного фонда любого музея. Но в фондах ВКМИ я нашла и нечто такое, что сравнимо с золотым ключиком, открывающим волшебную дверцу к самым загадочным сюжетам Джунусова. Таким артефактом оказалась мне папка, в которой хранятся личные блокноты художника.

КОНЦЕПТУАЛЬНЫЙ БЛОКНОТ

Всего восемь блокнотов. Все они очень разные: от простенького белокартонного с видом Алма-Аты на обложке до солидного красного в черном кожаном футлярике с кнопкой и специальной бумагой «Zeichenpapier». В одной из своих книг Виктория Токарева называет записную книжку «шифром жизни, закодированным в именах и телефонах, в буквах и цифрах». В блокнотах Марата Джунусова есть всё. Телефоны, даты, имена, названия городов в Польше и Германии, ценники на продажу картин, ресторанные и гостиничные счета, очень специфический немецко-русский словарик, стихи П. Верлена и Генриха Гейне, молитва архангелу света и правителю Солнца Уриилу, короткие дневниковые записки, но, главное – рисунки. Масса рисунков разных жанров, стилей, назначения и степени проработки натуры. Сразу видно, что дневники-блокноты принадлежат художнику, который пользовался ими в путешествиях. Один из них так и называется «Записная книжка туриста». На «карманных» форматах (в пределах листа 10 на 15 см) разместились пейзажные зарисовки, орнаменты, эскизы портретов, абстрактные композиции из геометрических фигур, цветов и растений. Есть наброски для больших сюжетных произведений, эскизы к серии картин «фогелерианы», много рисунков, связанных с поисками пластики музыки, наброски к большой картине исторического жанра с образом Аттилы.

Если разложить блокноты в хронологической последовательности (почти в каждом из них можно найти прямые или косвенные временные привязки), по рисункам представить пейзажи, интерьеры, людей, окружающих художника, а потом прочесть тексты, чередующиеся с рисунками, – начинает проявляться некоторая система, в которой автор, как в перформансе, предстает и творцом, и участником художественного проекта.

В 1970-х Илья Кабаков и Виктор Пивоваров создали новый жанр концептуального альбома, расширяющий возможности изобразительного искусства до временных характеристик. Почему бы не быть концептуальному блокноту? А параллелей очень много.

Пусть простит нас Марат Кайсенович, блокнотное творчество его для какого-либо экспонирования не предназначалось в принципе. Это личная творческая кухня художника. Листая страницы, чувствуешь себя случайным прохожим, который стал свидетелем событий, обычно скрытых за оградой усадьбы. Елена Василевская, давний друг семьи Джунусовых, пишет, что его надо было уговаривать показать блокнот, с которым он не расставался, когда «был сосредоточен на определенной теме». Этой женщине посчастливилось видеть некоторые блокноты непосредственно «в точке события», на «том же месте, в тот же час». «Как забавно было видеть себя со стороны!» – вспоминает она. Уже «...потом в мастерской из небольших почеркушечек рождались картины». И нам хотелось бы понять – как?

Чередование букв становится способом выражения для слов-понятий. Неспешный процесс перелистывания блокнота иллюстрирует тайну рождения образа – от впечатлений, через осмысление их автором до воплощения в пластике. Сумма становится интегралом, картинки, выстроенные в хронологическом порядке, претендуют на концепцию.

Существенная разница, однако, в том, что изобретатели концептуальных альбомов свои впечатления перекладывали на плечи созданного ими лирического героя – «Полетевшего Комарова» или «Вокноглядящего Архипова». Авторы заранее планировали «показ» в кругу близких друзей. Посетители мастерской усаживались на стулья вокруг подставки, на которой располагался альбом, и Кабаков начинал медленно его перелистывать. Так, история Архипова развивается сначала в виде серии обычных пейзажей, сценок уличной жизни в формате окна больничной палаты. Для концептуального показа очень важны и тексты, которые читаются и становятся живописным средством, как японская каллиграфия, сопровождающая изображение. Для текста годится все, что угодно: от объявлений до обрывков воспоминаний. По завершении сюжета пространство окна заполняется крыльями, так что остается только узкая щель между ними. Чистый белый лист, как символ исчезновения героя, – обязательный и закономерный финал любой концептуальной истории. Все мы больны жизнью не менее этого «вокноглядящего», а блокноты художника дают возможность увидеть мир его глазами.

Пейзажи эти, словно облака,	Сознание по ленточке времён
В глазах и окнах не живут подолгу.	Карабкается вдоль холмов осенних,
Движенье туч не выучит рука,	Но пассажир не помнит свой вагон
А стая листьев не понятна волку.	На станции последних превращений!

Блокноты из фондов Восточно-Казахстанского музея искусств представляют более чем двадцатилетний период жизни Марата Джунусова, начиная с флорентийских листочков 1977 года до ганноверских набросков с датировками 1998–1999 годами. Первое вполне концептуальное окно с птицами и шторой, развевающейся на ветру, нарисовано Джунусовым в первом по хронологии карагандинском блокноте. В 90-х годах пернатые и крылатые летают в его эскизах и картинах просто стаями.

Если бы каждое произведение художника имело соответствующий ему блокнот! На выставке «Сын Солнца» впервые показали графический лист «Весенний день», датированный 1999 годом. Эмоции, заключенные в нём, понятны только самым близким людям из окружения художника. А в контексте с блокнотами это произведение «играет, как оркестр» множеством голосов, предчувствий и смыслов, которые пока нельзя определить словами. В композиции этой работы художник явно объединил несколько блокнотных эскизов, чтобы показать, как развивалась выбранная им тема-ситуация во времени. К сожалению, у нашего художника не было лирических героев. В окно смотрел он сам. Стоит взглянуть на эту работу, чтобы понять: «В этом мире все концепции выстроены по одному сценарию, в котором варьируются только соотношение лирики и физики, комедии и трагедии».

В эмиграции Кабаковым был придуман лабиринт для демонстрации концептуальных историй в музейном пространстве. Блокноты Джунусова качественно экспонируемы разве что в цифральном архиве Ю. Сорокиной. Их эффект проявляется только в интегральном варианте, «на ленте», которая становится потоком времени.

К сожалению, в тех блокнотах, что хранятся у нас, нет следов «сыновей» и «жителей Солнца». Они были лучшей и последней добычей художника. Но ловушки и капканы (в смысле методы поимки и художественного воплощения бестелесного мира) были подготовлены им заранее.

Блокнот № 1 в синей картонной обложке имеет формат 17 на 11,5 см. На его страницах нет конкретной временной привязки, если не считать двух вложенных листочков из другого блокнота с флорентийскими пейзажами 1977 года. Текстовых материалов здесь немного, но они важны. В самом начале есть лист, неразборчиво исписанный простым карандашом, с ключевым словом «Караганда». В середине – имена трех композиторов «Моцарт, Бетховен, Бах», очевидно, значимых для Марата Джунусова, на последней странице – трогательная надпись «Академия,

папа», выполненная фиолетовыми чернилами, детской рукой, снабженная тремя живописными кляксами. Рисунков в этом блокноте много, и все они имеют карагандинскую пространственную привязку. Перечислю даже не самые значимые из них (как определить эту значимость?), а те, что дают концепцию-последовательность

линии жизни, раздумий и творческих планов художника в этой временной ленте. Вот мужская фигура возле традиционной колыбели-бесик под куполом юрты – это, конечно же, сам художник, потому что по краю листа рисунок сопровождается надписью «д/с 27, Кеша». Далее следует масса набросков, представляющих все аспекты карагандинской жизни автора, – степной и городской пейзажи с фигурой одинокого человека, застолья в кафе или ресторане, варианты монументальной росписи с шахтерами и заводскими трубами, производственными совещаниями ИТР, рисунок легкового автомобиля, эскизы для оформления витрин ЦУМа, танцующая девушка в окружении поклонников, «пошагаловски» летящих вслед за ней. Есть явно пленэрные зарисовки – грустный пёс, казахстанские пейзажи с лошадками. Такие

картинки – реальная жизнь советского художника того времени. Но уже в этом, первом по времени, блокноте определяются творческие приоритеты художника, влекущие его к воздушной стихии, наполненной шелестом крыльев. Появляется то самое концептуальное окно, в котором силуэты птиц еще очень малы, потому что

находятся где-то далеко. Уже здесь городские улицы изображены в немыслимых ракурсах с высоты птичьего полета. Есть и фигура человека в расколовшемся филоновском пространстве.

«Записная книжка туриста» появилась у Джунусова в 1992 году перед поездкой в Польшу. Этот период представлен в творчестве художника несколькими большеформатными полотнами, выполненными на холсте в технике масляной живописи. Мы показывали их на выставке. Сначала в его туристической книжке появились архитектурные готические формы: костелы, монастыри, мельница, дома с черепичными крышами, улицы Варшавы, бесчисленные скульптуры Девы Марии, – вся эта ухоженная и культурная Европа. Но образ мышления художника всегда приводит его за грань ирреального. Так появляется «почеркушка» с надписью «Ностальгия», которая обретает формы чёрной летящей фигуры, потом рисунок, где художник изображен беседующим с Мадонной, а небо над ними – опять филоновское крошево, и земной шар-глобус лежит на белой плоскости, как предмет разговора. Завершают книжку туриста четыре сюжетных эскиза о Генрихе Фогелере. Они отмечены датой «12.12.92». Это, очевидно, уже Германия, а удивительная история «Джунусов – Фогелер» – отдельная тема. Она интересна и хорошо известна в Караганде и на родине художника. Одна из картин этой серии была представлена на выставке «Сын Солнца».

В последнем из восьми хранящихся у нас блокнотов, временная лента которого начинается 29 ноября 1997 года и завершается февралём 1999-го, появляются совсем уж загадочные тёмные фигуры. Лики их (или отсутствие оных) маскируют капюшоны. Эти создания представляют собой нечто совершенно чуждое нашему миру. Ангелы из блокнотов Джунусова уже адаптированы в нашем сознании как часть образной культуры ещё со времен средневековья, а от «капюшонов» веет непередаваемой жутью и холодом вечности. В своих видениях наш художник, конечно же, не был одинок. Знатки иконографии ведают, как в течение столетий эволюционировал пластический образ лучистого «сына Солнца» от огненного колеса с крыльями до румяного ангелочка, летающего под куполом храма. По всем правилам академической живописи.

* * *

Листая странички этих удивительных дневников с иллюстрациями, еще раз убеждаешься, как призрачна граница, отделяющая в нашем сознании реальное от нереального. «Великий Шагал когда-то показал ему, что мир искусства не подчиняется законам мира физического. И что именно искусство может более точно раскрыть тайны последнего, определяя в нём место человека», – так

пишет вдова художника, искусствовед Наталья Иванина в книге «Дорога искусства. М. Джунусов», которую она подготовила к 70-летию со дня рождения художника.

Если детали и образы, которые рисует художник, кочуют из блокнота в блокнот, если ощущения его повторяются с пугающей закономерностью, значит ли это, что видимое им существует здесь и сейчас? То, что поразило Годовского, удивляет до сих пор. Свои солнечные и другие, скажем так, горные пейзажи Джунусов писал сериями! Образы повторялись, как соседи на лестничной площадке! А опыт, повторяемость служат критериями принадлежности явлений к действительности, оформленной в виде привычного нам ньютоновского мира. Именно поэтому при всем внешнем сходстве с лучистыми композициями Михаила Ларионова, при всех ощущениях динамики-кинематики художественный опыт Джунусова не может быть назван ни лучизмом, ни футуризмом. Академическое образование в какой-то мере сковывало его, но оно же давало и уверенность просто потому, что наградило опытом предшественников. Свои солнечные сюжеты, как «Лыжный праздник в Караганде», «Казахстанская Магнитка», Марат Джунусов писал вещественно, красочно и рельефно. Весь авангард начала XX века, за исключением любимого нашим художником Марка Шагала, сознательно бежал в абстракцию из всех «уголков природы» от «мадонн и бесстыдных венер», разрушая на своем пути перспективу, форму, мягкую светотень. Наверное, художники эти были отчаянными грешниками, пытаясь править Всевышнего, создавая новый мир из раскрашенных плоскостей. Один Марк Захарович честно летал со своей мадонной над Витебском, а потом в Париже писал свои видения.

Некоторые картины Джунусова, такие как «Люди в тумане», «Прощание с морем», безусловно, несут своей доминантной эмоцией ощущение постперестроечного убления. Однако от «мадонн» и «венер» Марат Кайсенович не отказывался никогда, о чем свидетельствуют те же блокноты. Графические листы «Море», «Амур среди цветов», датированные 1999 годом, свидетельствуют о том, какой радостью и жаждой жизни было полно сердце художника на стыке эпох и тысячелетий. Где-то рядом с этой радостью был с ним совсем иной мир – солнечные дети, грустные ангелы, чёрные капюшоны, тяжелейшая в эмоциональном плане «фогелериана».

Светло-зеленые, лишенные зрачков глаза «Сына Солнца» устремлены на зрителя, но смотрят отрешенно, «сквозь» и «мимо». Рядом, справа и слева, две птицы, наделенные взглядом. Перистые крылья их последовательно фиксированы в пространстве на разных стадиях движения. Темные края формата пульсируют вспышками красно-коричневого и нежно-голубого.

«Солнце моё, взгляни на меня!»

ЛИТЕРАТУРА

1. Дорога искусства. Марат Джунусов. Караганда, РПФ «PRINT SHOP», 2017.
2. Сорокина Ю. В. Художник как Архив. Простор. № 6. 2012.

